Ряжапов Н.Х. – канд. фил. наук
E-mail: ryazhapov@bk.ru
Ильин Д.Г.
E-mail: danil.ili@yandex.ru

Государственная политика Российской Федерации в Арктике как инструмент военно-политического регулирования конфликтов в Арктическом регионе

Арктика в XXI веке окончательно перестала восприниматься исключительно как удаленное природно-климатическое пространство, находящееся на периферии мировой политики. Потепление климата, постепенное изменение ледовой обстановки, рост интереса к северным морским коммуникациям, энергетическим и биологическим ресурсам, а также расширение технологических возможностей освоения высоких широт усилили значение региона для арктических и не арктических государств. Для России Арктика имеет особое значение не только по причине протяженности арктического побережья и исторического присутствия в регионе, но и потому, что здесь одновременно сосредоточены экономические, транспортные, оборонные, экологические и гуманитарные интересы государства.

В российской стратегической логике Арктика рассматривается как пространство, где необходимо одновременно обеспечивать суверенитет и территориальную целостность, развивать Северный морской путь, поддерживать устойчивое развитие арктических территорий, сохранять окружающую среду и предотвращать превращение региона в зону военного противостояния. Именно поэтому государственная политика Российской Федерации в Арктике выступает не только программой социально-экономического развития, но и инструментом военно-политического регулирования конфликтного потенциала.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» прямо закреплено, что данный документ является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности и разработан в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктике [1]. Среди таких интересов названы обеспечение суверенитета и территориальной целостности России, сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства, развитие Арктической зоны как стратегической ресурсной базы, а также развитие Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации [1]. Следовательно, регулирование конфликтов в Арктике для России имеет системный характер: оно соединяет военную безопасность, международное право, экономическое развитие и дипломатическое взаимодействие.

Актуальность настоящего исследования усиливается тем, что в последние годы прежняя модель арктического сотрудничества подверглась серьезной деформации. После 2022 года деятельность Арктического совета была фактически ограничена, а часть проектов продолжилась в формате, не предполагающем участия России [10; 11]. Одновременно вступление Финляндии и Швеции в НАТО изменило военно-политическую конфигурацию Северной Европы и усилило значение северного направления для евроатлантической безопасности [13]. В этих условиях вопрос состоит не только в том, как Россия защищает свои интересы в Арктике, но и в том, какие механизмы позволяют снижать риски военной эскалации, правовой неопределенности и политической конфронтации.

Государственная политика Российской Федерации в Арктике опирается на систему стратегических документов, среди которых ключевое значение имеют Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [1; 2]. Эти документы задают общий политико-правовой контур, в котором развитие Арктики рассматривается не изолированно, а как часть обеспечения национальной безопасности.

Особенность состоит в том, что они одновременно фиксируют национальные интересы, угрозы, вызовы, цели, направления и задачи государственной политики. Такой подход важен для военно-политического регулирования, поскольку конфликт в Арктике может возникать не только из прямого военного столкновения, но и из совокупности факторов: правовой неопределенности морских пространств, конкуренции за ресурсы, давления на хозяйственную деятельность, информационной дискредитации, ограничения международного сотрудничества, а также наращивания военного присутствия иностранных государств [1].

В документе прямо указано, что одним из основных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности является наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала в регионе [1]. Данная формулировка показывает, что российская политика рассматривает военный фактор не как самостоятельную причину напряженности, а как часть более широкой системы вызовов. При этом среди целей государственной политики названы взаимовыгодное сотрудничество и мирное разрешение всех споров в Арктике на основе международного права [1].

Стратегия развития Арктической зоны до 2035 года конкретизирует эти положения и связывает обеспечение национальной безопасности с развитием инфраструктуры, опорных зон, транспортных коммуникаций, науки, технологий, энергетики и социальной среды [2]. В военно-политическом смысле это означает, что устойчивость Арктической зоны Российской Федерации зависит не только от наличия военных сил, но и от способности государства поддерживать нормальную жизнедеятельность населения, надежную логистику, связь, аварийно-спасательную готовность, экологический мониторинг и правовой режим Северного морского пути.

На протяжении длительного времени в экспертном и политическом дискурсе существовало представление об Арктике как о сравнительно «бесконфликтном» регионе. Его основанием выступали низкая плотность населения, сложность ведения масштабных боевых действий в природно-климатических условиях Севера, а также наличие устойчивых форматов научного, экологического и гуманитарного сотрудничества. Вместе с тем отсутствие открытого вооруженного конфликта не означает отсутствия конфликтного потенциала. Е.О. Лабецкая справедливо отмечает, что в регионе сохраняется «дремлющий конфликтоген», который может активизироваться под воздействием внешнеполитической напряженности, милитаризации и секьюритизации арктической повестки [7].

Ключевой источник конфликтности связан с геостратегическим положением Арктики. Регион находится на пересечении интересов России, США, Канады, Дании, Норвегии, Исландии, Финляндии, Швеции, а также ряда неприарктических акторов, прежде всего Китая и государств Европейского союза. Для одних государств Арктика является пространством национальной обороны и стратегического сдерживания, для других - зоной перспективной добычи ресурсов, для третьих - транспортным коридором и объектом экологической

политики. Такая многослойность интересов сама по себе не ведет к конфликту, однако повышает вероятность столкновения политических интерпретаций и правовых режимов.

Арктика регулируется не единым специальным договором, а совокупностью норм международного морского права, национального законодательства прибрежных государств и региональных механизмов сотрудничества. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года закрепляет правовые режимы территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа и открытого моря [3]. Однако вопросы разграничения шельфа, режима судоходства, защиты морской среды и доступа к инфраструктуре могут становиться предметом политических споров, особенно если участники трактуют баланс прибрежных прав и свободы судоходства по-разному. Наращивание иностранного военного присутствия и возрастание конфликтного потенциала [1]. Научные публикации также фиксируют, что в условиях изменения международной обстановки Арктика становится пространством, где усиливается внимание к военной инфраструктуре, системам наблюдения, подводной обстановке, авиации, ледокольному флоту и возможностям быстрого реагирования [5; 6]. Арктический совет, учрежденный Оттавской декларацией 1996 года как высокий межправительственный форум для сотрудничества, координации и взаимодействия арктических государств с участием коренных народов, изначально не был площадкой для решения вопросов военной безопасности [4]. Это позволяло удерживать экологические, научные и гуманитарные проекты вне прямой логики военного противостояния. Однако после 2022 года западные арктические государства заявили о приостановке участия в заседаниях под председательством России, а затем о частичном возобновлении проектов без участия Российской Федерации [10; 11]. Такая ситуация снижает плотность коммуникации и повышает риск взаимного недоверия.

Военно-политическое регулирование конфликтов в Арктике следует понимать шире, чем предотвращение прямого вооруженного столкновения. В условиях Арктического региона оно включает создание правовой определенности, поддержание оборонной достаточности, обеспечение безопасности границы, развитие инфраструктуры, участие в международных форматах, готовность к аварийно-спасательному реагированию, а также снижение причин социальной и экономической уязвимости северных территорий. Российская государственная политика в Арктике как раз строится на соединении этих элементов:

1. Нормативное закрепление национальных интересов и стратегических приоритетов. Когда государство прямо формулирует свои интересы, цели и задачи, оно снижает неопределенность для других участников международных отношений. Россия заинтересована не только в защите суверенитета и развитии ресурсной базы, но и в сохранении Арктики как территории мира, стабильности и взаимовыгодного партнерства [1]. Такая формулировка важна, поскольку позволяет сочетать оборонные меры с заявленной установкой на мирное разрешение споров.

2. Развитие военной безопасности в логике оборонной достаточности. Российская политика исходит из необходимости предотвращения применения военной силы в отношении страны, защиты суверенитета и территориальной целостности, повышения возможностей группировок войск, контроля за воздушной, надводной и подводной обстановкой, а также модернизации объектов военной инфраструктуры [6]. Однако сама по себе военная инфраструктура в Арктике не должна рассматриваться как единственный инструмент регулирования. Ее значение состоит в том, чтобы исключить соблазн силового давления на Россию и тем самым снизить вероятность кризиса.

3. Пограничная и правоохранительная устойчивость. Арктика отличается огромными пространствами, сложной ледовой обстановкой, удаленностью населенных пунктов и высокой стоимостью логистики. Поэтому защита государственной границы, контроль судоходства, спасательная готовность, экологическая безопасность и мониторинг инфраструктуры имеют не только административное, но и военно-политическое значение. Слабость контроля в Арктике могла бы создавать пространство для инцидентов, провокаций, незаконной деятельности и последующей политической эскалации.

4. Развитие Северного морского пути. СМП является не только экономическим проектом, но и элементом национальной безопасности. Его развитие требует ледокольного флота, портовой инфраструктуры, связи, навигации, гидрометеорологического обеспечения и аварийно-спасательной системы. Чем более предсказуемым, безопасным и технологически обеспеченным является режим функционирования СМП, тем меньше оснований для внешних акторов оспаривать российскую способность обеспечивать порядок на данной коммуникации. В этом смысле инфраструктурная политика выступает формой предупреждения конфликтов.

5. Россия заинтересована в том, чтобы арктические споры решались на основе международного права, включая нормы морского права и процедуры, связанные с континентальным шельфом [1; 3]. В отличие от силового пересмотра режимов, международно-правовые механизмы позволяют переводить противоречия в процедурное русло. Это особенно важно для Арктики, где многие вопросы требуют длительной научной, геологической и юридической аргументации, а не политических ультиматумов.

6. Устойчивость арктических территорий прямо влияет на безопасность. Отток населения, слабость медицины и образования, дефицит транспортной доступности, высокая стоимость жизни и недостаточное развитие связи снижают способность государства устойчиво присутствовать в регионе. Поэтому задачи повышения качества жизни, развития инфраструктуры и поддержки хозяйственной деятельности являются не только социальными, но и стратегическими [1; 2; 5].

Таблица 1

Основные направления военно-политического регулирования

Направление политики	**Содержание механизма**	**Значение для регулирования конфликтов**
Правовое закрепление интересов	Формулирование национальных интересов, целей, задач и угроз в стратегических документах	Снижает неопределенность и задает рамки допустимого поведения
Военная безопасность	Оборонная инфраструктура, контроль воздушной, надводной и подводной обстановки, готовность группировок сил	Повышает порог силового давления и предотвращает эскалацию
Северный морской путь	Развитие ледокольного флота, портов, навигации, связи и аварийно-спасательного обеспечения	Укрепляет российскую способность обеспечивать безопасность ключевой коммуникации
Международное право	Применение норм морского права и процедур мирного разрешения споров	Переводит противоречия в юридическое и дипломатическое русло
Социально-экономическая устойчивость	Развитие населенных пунктов, инфраструктуры, медицины, образования и логистики	Обеспечивает постоянное и устойчивое присутствие государства в регионе

Наиболее заметным изменением последних лет стало усиление военно-политического значения северного направления для НАТО. До 2022 года Финляндия и Швеция сохраняли особый статус вне Альянса, хотя активно взаимодействовали с ним как партнеры. После начала украинского кризиса обе страны подали заявки на вступление, Финляндия стала 31-м членом НАТО 4 апреля 2023 года, а Швеция - 32-м членом 7 марта 2024 года [13]. В Вашингтонской декларации 2024 года НАТО прямо указала, что историческое вступление Финляндии и Швеции делает Альянс сильнее, в том числе в регионе High North и Балтийского моря.

С российской точки зрения это означает качественное изменение военно-политического окружения на северо-западном направлении. Ранее значительная часть североевропейского пространства оставалась вне формальной системы коллективной обороны НАТО. После расширения Альянса большинство арктических государств, за исключением России, оказались связаны одной военно-политической структурой. Это повышает плотность военного планирования, учений, обмена разведывательной информацией и инфраструктурной интеграции.

При этом важно избегать упрощенного вывода о неизбежности военного конфликта в Арктике. Скорее речь идет о росте рисков неправильной интерпретации действий сторон, давления на коммуникации и политизации вопросов, которые ранее решались в экспертном или техническом формате, например, научное сотрудничество, обмен экологическими данными, вопросы судоходства и спасания могут становиться зависимыми от общего уровня отношений России и западных стран. Именно это делает военно-политическое регулирование особенно значимым. Арктика становится одним из узлов более широкого противоречия между Россией и Западом. В.Е. Петровский, анализируя китайский академический дискурс, отмечает, что после начала специальной военной операции Арктика стала рассматриваться как пространство геополитической конкуренции, где усиливаются тенденции милитаризации и возрастает интерес к российско-китайскому взаимодействию [9]. Этот вывод важен не потому, что Россия должна автоматически переносить в Арктику логику блокового противостояния, а потому, что регион все меньше изолирован от общей международной напряженности.

Для России в такой ситуации принципиальное значение приобретает баланс двух подходов: с одной стороны, необходимо поддерживать оборонную достаточность и инфраструктурную готовность; с другой - сохранять возможность диалога по вопросам, где сотрудничество отвечает интересам всех арктических государств. Арктика остается регионом, где аварийно-спасательные операции, экологические риски, климатические изменения, безопасность судоходства и права коренных народов не могут эффективно решаться в режиме полной политической изоляции. До последнего времени Арктический совет (далее – Совет) выступал важнейшим символом того, что арктическая повестка может развиваться вне прямого военного противостояния. Оттавская декларация 1996 года закрепила Совет как форум сотрудничества, координации и взаимодействия арктических государств с участием коренных народов и иных жителей Арктики [4]. При этом вопросы военной безопасности сознательно оставались вне его мандата, что позволяло удерживать экологическую, научную и социальную повестку в относительно деполитизированном формате.

Однако кризис 2022 года показал уязвимость этой модели. Совместное заявление семи западных арктических государств о приостановке участия в заседаниях под председательством России стало политическим разрывом привычной практики арктической коммуникации [10]. Позднее была заявлена ограниченная возобновленная работа по проектам,

не предполагающим участия Российской Федерации [11]. Такая конфигурация не устраняет объективной взаимозависимости арктических государств, но снижает качество диалога и создает риск фрагментации управления регионом.

С точки зрения военно-политического регулирования это крайне чувствительно. Когда политические каналы сужаются, возрастает значение военных и разведывательных оценок, а также риск того, что технические инциденты будут восприниматься как намеренные враждебные действия. В Арктике подобная динамика особенно опасна из-за сложной среды: плохая видимость, ледовая обстановка, удаленность инфраструктуры, ограниченная связь и трудность спасательных операций повышают цену ошибки. В этих условиях государственная политика Российской Федерации должна решать двойную задачу. Первая задача - не допустить ослабления национального присутствия и оборонной готовности в Арктике. Вторая задача - сохранять нормативную и дипломатическую позицию, согласно которой Арктика должна оставаться пространством мира, стабильности и взаимовыгодного партнерства. Именно сочетание этих задач делает российскую политику инструментом регулирования, а не только ответом на внешнее давление.

Практически это означает необходимость поддерживать участие в универсальных международно-правовых механизмах, развивать двусторонние и многосторонние контакты там, где они возможны, укреплять научную и экспертную аргументацию по вопросам шельфа и судоходства, а также формировать позитивную повестку развития Арктической зоны Российской Федерации. Чем яснее Россия демонстрирует способность сочетать безопасность, право и развитие, тем меньше пространство для внешней интерпретации ее арктической политики как исключительно военной.

Регулирование конфликтов в Арктике невозможно построить только на одном инструменте. Чисто военный подход создает риск гонки вооружений и усиливает взаимное недоверие. Чисто дипломатический подход без реальной инфраструктурной и оборонной опоры может оказаться недостаточным в условиях нарастания военного присутствия других государств. Чисто экономический подход не учитывает того, что ресурсы, маршруты и технологии в Арктике имеют стратегическое значение. Поэтому наиболее рациональной моделью является сочетание сдерживания, права и развития. Сдерживание в арктическом контексте означает не стремление к эскалации, а демонстрацию способности защитить национальные интересы, обеспечить контроль над критической инфраструктурой и предотвратить силовое давление. Для России это особенно важно из-за протяженности арктического побережья и значения Северного флота, северных морских коммуникаций и объектов стратегической инфраструктуры. При этом сдерживание должно быть встроено в правовую и политическую рамку, чтобы не подменять собой всю арктическую политику.

Право выполняет функцию ограничения конфликтной динамики. Нормы морского права, процедуры рассмотрения заявок на континентальный шельф, правила судоходства, экологические стандарты и договоренности о спасании позволяют переводить потенциально острые вопросы в институциональный формат. Даже если политические отношения ухудшаются, правовая позиция сохраняет значение, поскольку она обращена не только к текущим оппонентам, но и к более широкому международному сообществу.

Развитие является третьим компонентом регулирования. Сильная Арктическая зона - это не только военные объекты, но и устойчивые города, работающая медицина, современные коммуникации, научные центры, транспортная доступность, промышленная база, подготовленные кадры и экологический контроль. Чем более устойчивым является

присутствие государства в регионе, тем меньше вероятность того, что внешние акторы будут воспринимать Арктику как пространство управленческого вакуума или слабого контроля.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что государственная политика Российской Федерации в Арктике выступает самостоятельным и комплексным инструментом военно-политического регулирования конфликтов в Арктическом регионе. Ее значение состоит не только в защите национальных интересов, но и в формировании такой системы присутствия России в Арктике, которая снижает неопределенность, повышает управляемость рисков и создает условия для мирного разрешения споров.

Таким образом, российская государственная политика в Арктике может рассматриваться как инструмент не только защиты, но и стабилизации. Ее эффективность будет зависеть от способности государства поддерживать оборонную достаточность, развивать Северный морской путь и арктическую инфраструктуру, сохранять международно-правовую предсказуемость и не допускать превращения Арктики в пространство неконтролируемой военно-политической конфронтации.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Официальный сайт Президента России. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/45255 (дата обращения: 21.05.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Официальный сайт Президента России. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 21.05.2026).

3. United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982 // United Nations. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

4. Declaration on the Establishment of the Arctic Council. Ottawa, 19 September 1996. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/items/fb29e6d2-d60c-43ca-8e46-fa7a505033e0 (дата обращения: 21.05.2026).

5. Гриняев С.Н., Журавель В.П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 52-74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.52.

6. Журавель В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 3. С. 42-47. DOI: 10.15211/vestnikieran320204247.

7. Лабецкая Е.О. «Бесконфликтная Арктика»: Pro et Contra // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 34-46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46.

8. Журавель В.П. Арктика в 2019 году: международный и национальный аспекты (вопросы международного сотрудничества и безопасности) // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 105-122. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.105.

9. Петровский В.Е. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 74-86. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.74.

10. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine // U.S. Department of State. 03.03.2022. URL: https://2021-2025.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/ (дата обращения: 21.05.2026).

11. Joint statement on the limited resumption of Arctic Council cooperation // Government Offices of Sweden. 08.06.2022. URL: https://www.government.se/statements/2022/06/joint-statement-on-the-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation/ (дата обращения: 21.05.2026).